

Н.А.Фененко, А.А.Кретов КОМПЕНСАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

© 2001 г. Н.А. Фененко, А.А. Кретов

Воронежский государственный университет

Различие языков коренится в различии их происхождения, а также истории, среды обитания, материальной и духовной культуры народов, говорящих на этих языках. Все указанные факторы вместе взятые определяют своеобразие каждого языка, которое порой вызывает столь серьезные проблемы у переводчиков, что заставляет говорить о непереводаемости отдельных выражений, текстов, а то и о принципиальной непереводаемости содержания, выраженного средствами одного языка, на другой язык.

Заявления о принципиальной непереводаемости, видимо, вообще не следует принимать в расчет, как капитулирующие перед проблемой, а не служащие ее решению. Практика перевода, которая насчитывает не одно тысячелетие, – самый убедительный ответ сторонникам “принципиальной непереводаемости”.

В связи с этим на центральное место в теории перевода выдвигается понятие *компенсации*, причем настолько, что не будет преувеличением сказать: *теория перевода – это теория компенсаций*. Да, все перечисленные сложности имеют место, и тем не менее перевод осуществляется и во все больших масштабах. Объяснением этому парадоксу может служить именно способность языков и культур компенсировать недостаточность одной из своих сфер за счет других. Хотелось бы отметить, что компенсация – явление не чисто переводоведческое, не чисто лингвистическое и даже не чисто социальное. Компенсация широко распространена и в живой природе. Например, поражение одних участков мозга может компенсироваться за счет работы других его участков. Это позволяет предположить, что *компенсация* является общим свойством синергетических (т.е. сложных эволюционирующих

саморегулирующихся) систем, к каким относятся и общество, культура, язык.

В свое время Н.В. Гоголь писал: “истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа” [1, 261]. Это высказывание имеет самое непосредственное отношение к переводу: перевод не должен пестреть транслитерированными экзотизмами (ср. сходную позицию Ю.А. Сорокина) – национальный колорит вовсе не в этом; перевод должен быть прозрачным настолько, чтобы можно было разглядеть своеобразие национального мировоззрения. Иными словами, отсутствие в культуре перевода тех или иных реалий (L-реалий, C-реалий или R-реалий)* должно компенсироваться инациональным мировоззрением, иным, новым, необычным взглядом на мир.

Показательно свидетельство Юрия Орлицкого по поводу освоения восточной стихотворной миниатюры в европейской поэзии: “А главное – европейские художники и поэты захотели воплотить в своих творениях **не только внешнюю экзотику дальневосточной культуры**, но и постичь ее философию, ... **вжиться в китайское и японское мироощущение**, позволяющее творить так же, как его врождённые представители” [3, 62-63]. Процесс освоения восточной поэтической миниатюры потребовал от переводчиков и поэтов целого ряда компенсаций. Так, невозпроизводимость “уникальной ритмической природы”

* В связи с терминологической недостаточностью термина РЕАЛИЯ (им обозначается и явление внеязыковой действительности – предмет и его культурный эквивалент – концепт и средство номинации этого концепта в языке – лексема и ФЕ) мы предлагаем разграничить R-реалии (от французского *réalité*), C-реалии (от французского *concept culturel*) и L-реалии (от французского *Langue*), сохраняя термин **реалия** в качестве родового. Подробнее см. [2].

танка и хокку средствами русского языка компенсируется точной передачей “мысли и образного строя” японских стихов [3, 67]. “В японских миниатюрах... есть “какэкотаба” – особый прием, позволяющий, в силу одинакового звучания разных слов и особенно их сочетаний, читать отдельные строки, а иногда и весь текст миниатюры двумя и более способами, что позволяет автору создавать сложную игру смыслов [3, 69]”. Так, “известный японский художник Андро Хиросигэ любил подписывать свои гравюры двусмысленно звучащими стихами, например: “Гортензия распустилась над водой, прозрачна и холодна, как вода” и “Гортензия распустилась над водой, а вода-то протухла” [4, 360].

В этом случае компенсация реализуется в таком поэтическом приеме как перенос, который представляет собой хотя и отдаленную, но все же аналогию этого приема: он если не раздваивает, то усложняет смысл путем актуализации ритма [3, 69]. Главным результатом культурного освоения традиций японской классической поэзии является, таким образом, постижение ее содержательных основ: “чистое созерцание, отказ от прямолинейной логики, пристальное вглядывание в окружающий, прежде всего - природный мир” [3, 72], позволяющее компенсировать принципиальную непередаваемость основ формальных.

Аналогичный вывод делают В.Н. Базылев и Ю.А. Сорокин: “Именно реконструкция пропозициональных/культурологических соотношений и составляет суть переводческой деятельности, ориентированной на то, чтобы обеспечить опознаваемость некоторого семиотического объекта при всех его модификациях [5, 16]”.

Такой подход позволяет охарактеризовать “китайскую поэзию как антропоцентрическую, европейскую – как антропоцентрическую, “мусульманскую” – как ориентированную на “оценочность образного изображения”, а индийскую – как “металогически направленную” [6, 104; 5, 17].

Компенсация при переводе в системе “Восток – Запад” представляется как наи-

более очевидный и в силу этого – наиболее простой случай. Значительно более сложный случай представляют отношения в системе “Запад – Россия” и, в частности, “Россия – Франция”.

В полный рост проблемы компенсации при переводе встают при попытке переводить на французский язык произведения В. Шукшина [7], которые отличаются яркой национальной окрашенностью, важными носителями которой являются так называемые культуроспецифические лексические единицы (далее КЛЕ). К ним относятся диалектные слова, а также реалии, представленные у В. Шукшина различными тематическими группами: общественно-политические, бытовые, географические; КЛЕ, связанные со сферами труда, отдыха, искусства, культуры; а также имена собственные в полной, сокращенной и суффиксально-эмоциональной формах. Они выступают как носители “местной” и “социальной” окраски текста, которая передается в основном при помощи разговорных и просторечных лексических и фразеологических единиц.

Попытаемся проследить, какими приемами пользуется переводчик для передачи КЛЕ и в какой степени ему удастся сохранить “русский колорит” текста в целом.

Сопоставительный анализ текста оригинала (ИТ) [8] и перевода (ПТ) показывает, что для передачи “местного” колорита переводчик может использовать ЛЕ, заимствованную вместе с понятийным концептом, так называемую L-реалию [2, с.86]. Созданная путем транслитерации, такая номинативная единица является наиболее национально окрашенной, так как отражает национальную культуру и содержанием, и формой: *la taïga, la steppe, l'isba, la verste*. Чаще всего этот способ применяется в ПТ при передаче имен собственных (ИС) топонимов (*la Sibérie, Boulanikha*) и антропонимов (*Olga Serguïevna Malychéva*). Во французском тексте, также как и в русском, можно встретить как полную, так и краткую форму имени; транслитерированы и многочисленные суффиксально-эмоциональные формы (*Aliocha, Vanka, Sachka*). Однако

употребление разных форм одного и того же ИС (*Lioubov, Liouba, Lioubka*) не всегда целесообразно, поскольку может быть непонятно читателем ПТ, и тогда желание добиться верности оригиналу приведет к прямо противоположному эффекту [9, с. 38].

Логичным с этой точки зрения выглядит выбор переводчиком более частотной формы ИТ, например, *Stiopka* вместо *Степка* и *Степан*, *Ermolai* вместо *Ермолай* и *Ермил*. Там же, где ИС несет важную стилистическую нагрузку, переводчик стремится выразить ее средствами языка-перевода, типичными для просторечья крестьян: употребление с ИС определенного артикля (*le Stiopka*), указательного прилагательного (*cette Malychéva*) или уточняющих значение знаменательных слов (*Отавиха – la mère Otavina, la vieille Otavina*).

Как показывает анализ, сохранение русского колорита при помощи L-реалий ограничивается в ПТ лишь перечисленными выше случаями. Их малая частотность объясняется, с одной стороны, большой концентрацией КЛЕ в оригинале, с другой – спецификой самих L-реалий, значения которых абсолютно неизвестны носителям

французской культуры и требуют, следовательно, дополнительных комментариев в переводе.

Таким образом, мы видим, что переводчик в этом случае идет по самому простому пути, компенсируя отсутствие слов и понятий во французском языке прямым заимствованием слов в транслитерации и соответствующих им понятий. При таком решении проблемы осуществляется компенсация в системе “словарь ИЯ → словарь ПЯ”.

Следующий способ – компенсация в системе “концептосфера ИЯ → концептосфера ПЯ”, состоящая в создании в ПТ так называемых С-реалий [2, 88], соответствующих реалиям ИТ. Возникающая в этом случае культурологическая недостаточность восполняется средствами переводящего языка с помощью различных типов экспликаций (сосняк поровней – *quelques pins bien droits, какой-нибудь дядя из “Заготскота” – un type de l’usine de viande, сельсовет – le soviet du village, лавочка – boutique de village, клуб – foyer rural*) или единицы номинации языка-перевода, значение которой уточняется в сноске:

Ты не кержак часом?

T’es pas vieux-croyant*?

* *Vieux-croyant («kerjak»): après la réforme de l’Eglise russe, au XVII siècle, les tenants des anciens rites, persécutés, se retirèrent dans les forêts du Nord, en Sibérie. Il est question ici d’une secte installée dans la région du Kerjenets, un affluent de la Volga.*

Кроме того, переводчик предлагает достаточно подробное описание незнакомого читателю предмета, явления или ситуации в целом, не создавая при этом специальной ЛЕ, ср.:

... и пошли с **припевом**

elles se mirent à tourner, tourner en chantant Stiopka se mit à tambouriner gauchement le sol de ses lourdes pattes.

Степан сыпанул тяжкую, нечеткую дробь.

Хотя подобный объяснительный перевод “утяжеляет стиль” [10, 12], он компенсирует семантическую недостаточность концептосферы французского языка, создавая содержательный эквивалент средствами языка перевода и тем самым расширяя концептосферу культуры адресата.

Техника частичной (или условной) компенсации основана на отыскании в “своей” культуре денотата, который можно было бы соотнести с “чужим”. Таким

образом, переводчик как бы устанавливает эквивалентность R-реалий ИТ и ПТ как материальных представителей культурных концептов: ср., например, *чайная – un café*, *гармонь – un accordéon*, *мешок с харчами – un sac a provision*. Такая техника сопровождается значительными смысловыми потерями; ср.: “*вещмешок*” – “заплечный мешок для личных вещей» и его текстовый эквивалент “*un balluchon*” – просторечн.: “узел с вещами”, который носят в руках, а не за плечами. В этом случае

национально-специфические единицы значения затушевываются, на первый план выступают ассоциации, связанные в сознании носителей языка с тем или иным предметом собственной культуры. Смысловая недостаточность таких квазиэквалентов может компенсироваться в синтагматической цепи, например, за счет синонимических цепочек, вносящих дополнительную информацию в значение слова, ср.: ...на поляне – **избушка**. **Избушка** – так себе, амбар рядов в тринадцать...-. Dans la

“Ты имеешь свои **четыре класса** и две ноздри – читай **“Мурзилку”** и дыши носом”.

Вместо пренебрежительного “свои четыре класса” переводчик использует нейтральное “*ton certificat d'études*”, абсолютно незнакомая французскому читателю “*Мурзилка*” (журнал для детей дошкольного возраста) заменяется французской реалией “*Bécassine*” – первые комиксы начала века, смешные, но довольно примитивные, где *Bécassine* – главная героиня. Такой перевод вряд ли можно безоговорочно признать удачным: он не только полностью снимает русский колорит, но и слишком “офранцузивает” текст. Более уместным было бы здесь, вероятно, слово с родовой семой (“*Bécassine*”, сказанное русским, звучит довольно комично и мало естественно). Вместе с тем, следует признать, что семантическая недостаточность компенсируется путем сохранения просторечно-грубоватого характера предложения при помощи фразеологических единиц (ФЕ) “имеешь две ноздри... и дыши носом” – “*boucle-là*”, а также свойственных французской разговорной речи усеченных форм местоимений – *t'as eu*.

Прямое обращение к реалии, близкой реципиенту, широко используется как в

В субботу он топил баню.

Выделенные выше способы компенсации референциально-безэквивалентной лексики, которые могут быть сведены к соответствиям R + C + L-реалия ИТ → R + C + L-реалия ПТ, являются универсальными средствами описания “чужой” культур-

clairiere, une maisonnette. Une cabane plutôt, faite de treize ou de quatorze rangées de rondins...

Замена R-реалии ИТ на R-реалию ПТ осуществляется преимущественно с сохранением стилистической окраски слова, ср.: “*Вот он приехал без конья*” – “*Au retour, il avait plus un trèfle*” (без конья – простореч.: “без копейки денег”, *un trèfle* – простореч.: деньги, монета).

Ср. также:

« *T'as eu ton certificat d'études? Alors, va lire « Bécassine » et boucle-là* ».

речи персонажей, так и в повествовании, что помогает понимать текст спонтанно [10, с. 12], поскольку позволяет увеличить его прозрачность и избежать затруднений, связанных с отсутствием у носителей французской культуры фоновых знаний, необходимых для понимания культуроспецифических лексических единиц.

При отсутствии необходимой реалии в языке перевода русские КЛЕ замещаются словами с более широким значением, обозначающими родовое понятие, например, *плетень* – *la clôture*, *похлебка* – *la soupe*, *половица* – *le sol*. Таким образом, переводчик осуществляет родовидовые замены (когипонимический перевод) [10, 3], употребляя ЛЕ, называющие привычные для читателя ПТ предметы. Национальный характер исходной реалии при этом может полностью затушевываться (ср.: *норовили сразу попасть в ритм “подгорной”* – *en essayant d'attraper tout de suite le rythme de la danse*) или частично компенсироваться за счет уточняющих слов, которые выделяют главную “национальную” черту, позволяющую квалифицировать этот предмет как относящийся к русской культуре:

Le samedi, il prenait son bain, un bain russe.

но-языковой картины мира через “свою”. В целом они позволяют с достаточной полнотой передать национальную специфику КЛЕ, участвуя, таким образом, в процессе лингвокультурной адаптации текста.

Между тем их употребительность в ПТ (а сохраняющие наибольшую национальную окраску L-реалии оказываются в нем наименее частотными) свидетельствует о значительном ослаблении “местного” колорита французского текста в сравнении с русским.

Переводчик не пошел также и по пути поиска диалектных красок во французских территориальных диалектах, хотя герои В.Шукшина являются в своем большинстве носителями территориальных говоров (что и проявляется в значительном количестве диалектных и просторечных вкраплений в их речи), и было бы естественным ожидать обращения переводчика к французскому диалектному вокабуляру. Здесь, как нам представляется, встает особая проблема - *компенсация территориальной диалектной принадлежности речи при переводе*.

Возможны различные решения этой проблемы. Одно из них предложено Э.Хемингуэем в романе “По ком звонит колокол”. В англоязычном романе писателю требовалось по-английски передать особенности территориального говора испанских крестьян. Автор отметил архаичность говора и использовал для его передачи архаические краски английского языка и в первую очередь – архаичные формы личных местоимений и вспомогательных глаголов. Близкого эффекта в русском тексте можно было бы добиться привлечением местоимений *мя, ты, ся, сей, овый*, глагольных форм *еси, суть, быше, бысть* и т.д. Таким образом, у Хемингуэя архаические (и одновременно – стилистически высокие!) словоформы выступают в качестве маркеров территориального говора.

Другой из возможных способов компенсации диалектной окраски ПТ состоит в обращении к социально окрашенной лексике или к социальным диалектам, что мы и видим на примере перевода рассказов В.Шукшина. Это просторечные и арготические ЛЕ (*les truands, la gnôle*) с отрицательными эмоционально-оценочными эпитетами (*gros nigauds, maudit bagnard, sale caboche*) или ФЕ, принадлежащие к аналогичному стилистическому пласту (*ça me met en coule! Nom d'un chien!, fait pas*

l'andouille). Используемые в речи персонажа подобные средства позволяют охарактеризовать его как жителя сельской местности и представителя определенной социальной среды. В авторском же повествовании они воспринимаются как элементы чужого словоупотребления или как способ создания “иллюзии чужого, не авторского взгляда”.

Особая роль в компенсации диалектной окраски речи принадлежит межуровневой компенсации. Как К. Чуковский передавал своеобразие лондонских кокни синтаксическими средствами [11], так и французские переводчики активно используют межуровневую компенсацию.

В ПТ широко представлены все основные элементы синтаксиса фамильярно-разговорной речи – сегментированные и эллиптические эмотивные предложения с восклицательными словами, повторы, опущение отрицательной частицы *ne* и безличного местоимения *il* и др. (*Si c'est pas un salaud, après ça. T'y verras goutte, la nuit..Ca n'est jamais vu, ca ! Et t'aurais rien a dire, encore.*).

Думается, что смещение акцента с “местного” в сторону “социального” колорита ПТ подтверждает мысль о большей “дистантной психологической проксемике” [12, 585] общения на французском языке в сравнении с русским.

Показательно, что и Э.Хемингуэй, и французенка Б.Банке, и К.Чуковский считают невозможным обращаться при переводе к территориально ограниченной и территориально окрашенной лексике. Самое правдоподобное объяснение этому явлению видится в том, что указанные средства не только находятся за пределами литературного языка, но – что значительно важнее – представляют потенциальную помеху общению в силу своей необщезвестности и необщеобязательности. Поэтому все переводчики стремятся компенсировать эту недостаточность либо за счет внутриуровневых средств (высокая архаическая лексика у Э.Хемингуэя), либо за счет транспонирования территориальных диалектов в социальную плоскость (Б. Банке при переводе В. Шукшина), либо

за счет межуровневой компенсации (стилистически сниженный синтаксис у К.Чуковского).

Таким образом, как показывает анализ теоретической литературы и практических решений переводчиков, теория и практика перевода может быть рассмотрена как теория и практика компенсаций: языковых - внутриуровневых и межуровневых, полных и частичных, линейных и нелинейных, формальных и содержательных, а также – внеязыковых: культурных и социокультурных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Собр. соч. в 9 т. – М.: Русск. книга, 1994., т. 7.
2. Фененко Н.А., Кретов А.А. Перевод как канал взаимодействия культур и языков (к проблеме языкового освоения “чужой” действительности) // Социокультурные проблемы перевода. – Вып. 3. – Воронеж: ВГУ, 1999. – С.82-94.
3. Орлицкий Ю. Цветы чужого сада (японская миниатюра на русской почве) // Ореон: Журнал поэзии. М.: Издательский дом Русанова, 1998, № 2.
4. Энциклопедия для детей. Т. 13. Страны. Народы. Цивилизации / Глав. ред. М.Д. Аксенова. – М.: Аванта +, 1999.
5. Базылев В.Н., Сорокин Ю.А. Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс. – Ульяновск, 2000.
6. Садур В.Г. Восприятие текста в разных культурах // Структура и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики. – М., 1985.
7. Banquey, B. Quelques nouvelles de Vassili Choukchine // Vassili Choukchine. Post-scriptum et autres nouvelles / Traduit du russe par Brigitte Banquey. – Alfit édition. L’instant même. – Paris: Edition UNESCO, 1997. – 282 p.
8. Шукшин В.М. Рассказы. Повести. – Рига: Лиесма, 1983. – 448 с.
9. Déjan le Féal, K. L’appropriation culturelle: un dosage subtil // Социокультурные проблемы перевода. Вып. 3. – Воронеж: ВГУ, 1999.
10. Гак В.Г. Переводческие трансформации: факторы и формы. Когнопонимический перевод // Вопросы теории французского языка и теории перевода. Сб. статей / Под ред. Н.К. Гарбовского. – М.: МГУ, 1999. – С. 3-4.
11. Чуковский К.И. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. – М.: Изд-во “Искусство”, 1964. – 256 с.
12. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1998. – 768 с.